

Владимир Молотов

Один день Ивана Даниловича

рассказ

В этот раз бой заканчивался совсем плохо. Три немецких «Рыси» грозно приближались к центральной части окопа. Одна шла впереди, вторая слева от нее и чуть сзади, третья замыкала звериное племя. Иван Данилович осмотрелся вокруг – лейтенант Сохин носом в земле, да еще и каска присыпана. Сержант Кирюхин, рядовые Матвей и Жора лежат в дурацких позах, под Кирюхиным чернеющая на июньском пекле лужица крови.

Все, никого, стало быть, не осталось. Политрука, понятно, еще в первой атаке танков жажнули. А теперь вот и командиру Сохину конец! Остался Иван Данилович один одинешенек, против трех танков. Посчитал он кумулятивные противотанковые гранаты РПГ – первая, вторая. Плюс автомат ПППШ с десятком патронов. И то неплохо.

Ведущую «Рысь» удалось подбить кумулятивной гранатой с первого же броска. После хлопка танк словно споткнулся и замер, задымился сбоку. Ощувив раж, Иван Данилович закинул вторую гранату прямо на вторую «Рысь» – на башню. Бац! Уррра!

Но третий танк неумолимо приближался к Ивану. Он вскинул автомат, от отчаяния пустил очередь в «дырочку». На тебе, сволочь фашистская! А итога, конечно, ноль с палочкой! Танк едет прямо на Ивана. И вот уже гусеница над окопом. И вот уж она топчет Даниловича. Он воем и просыпается.

«Черт! Очередной вариант дежурного сна!» – Иван Данилович скинул одеяло, оттер ладонью пот. Приподнялся, в окно глянул – тоже июнь, тоже жаркий, только... «Сколько с того боя? Сто лет, кажись, минуло!»

Дед повернулся набок, задумался.

«Опять новый день. Как надоело жить! Еще один день бессмысленно ходить по комнате, скрипеть костями, мучиться воспоминаниями, набивать живот, прислушиваться к ощущениям и ждать что-то. Но чего ждать? Новой ночи? Или долгожданной смерти? Ах, что-что, а смерти хрен дождешься!»

Дед ступил на теплый пол.

– Доброе утро, Иван Данилович! – бодро поприветствовал девичий голосок умного дома.

– Да ну тебя!

– Положите, пожалуйста, руку на сканер для оценки вашего самочувствия, – ненавязчиво предложила незримая девица.

– Ох, отстань ты, а?! – пробурчал дед и поплелся на кухню.

Холодильник был полный – давеча кремлевский посыльный позаботился. Он всегда заботится. Данилович знай только складывай на полки. Но кушать сейчас не хотелось, просто горло пересохло.

Иван налил молока, выпил залпом холодненького. Внутри вроде стало приятнее. «Хотя чем там чувствовать? Везде уж вместо родных органов какие-то искусственные хреновины присобачили. Одни только мозги свои остались, мать их за ногу. В смысле, докторов кремлевских».

– Извините, Иван Данилович, но ввиду отсутствия сигнала со сканера, в медицинский центр направлен тревожный зуммер.

Дед сплюнул. Забыл он об этой функции. Теперь будут по скайпу привязываться. Ну и ладно, всё веселее. А то совсем скучно жить стало.

Иван Данилович вернулся в комнату.

– Лучше телевизор включи, дура! – хрипло бросил он, глядя в черный квадрат на стене. Квадрат тут же засветился. В солнечной комнате некто принялся готовить некое блюдо. Этот некто с виду не был ни мужчиной, ни женщиной. Оно имело малиново-фиолетовые волосы, уложенные в виде торчащих макарон, а также золотую сережку в ухе и неопределенные черты круглого лица.

Дед перекосячился. Отыскал пульт и переключил канал. Здесь, в новостях взволнованная ведущая вещала о теракте в аптеке. Какой-то человек в маске взял в заложники трех посетителей

аптеки и двух фармацевтов. Угрожая лимонкой и пистолетом, он требовал миллион евро и вертолет. «Мать тою за ногу, это ж в нашем доме, на первом этаже! – поразился дед. – Каждый день что-то случается прямо под боком!» Он вновь переключил канал.

Но тут же нарвался на реалити-шоу «Жизнь на Марсе». Там все участники, устав от многолетнего пребывания на красной планете, давно перессорились. В данный момент двое парней начали драться с двумя мужчинами в годах, прямо на территории марсианской базы, в холле. У стен стояли девушки и болели. Их не пугал вид крови. Проигравшим считался тот, кто не сможет встать.

Несколько минут Иван молча наблюдал за жестокой дракой. Потом поморщился. Ему вспомнился рукопашный с фрицами. Много стерлось. А это не уходило. Тоже снилось порой.

Огромный на голову выше детина, фриц с автоматом, пёр на Ивана всем корпусом. И как только удалось ухватиться за основание вражеского штыка и протолкнуть детину словно сквозь себя?! Великан припал на колени, и тогда Иван, будто механический аппарат, четким движением окровавил фрицу затылок прикладом.

Однако сбоку подскочил другой фашист и уже изготовился воткнуть острие под легкое Ивану, но едва лезвие коснулось гимнастерки, как точно из ниоткуда пришла помощь. Тот самый сержант Кирюхин, Леха Кирюхин, который в недавнем сне, в бойне с танками, лежал трупом с лужей крови, – это он спас тогда Ивана.

А на самом деле погиб Кирюхин Леха от шальной пули гитлерюгенда за два дня до Победы, на улицах Берлина.

Воспоминания о войне, чаще неприятные – по сути все, что осталось у Даниловича. Канули многие дни мира из-за обыденности, растворилось даже то, как росли дети после войны. В короткие мутные отрывки превратились годы развала СССР. Покрылось густой пеленой странное время начала двадцать первого века. А чертова война не ушла, напротив, сцены стали четче.

Она роилась в мозгах. Мозги – это все, что ему осталось. Не то, что печень, легкие и прочее, даже сердце подменили! «Кто я? Человек ли вообще? Да уж человечнее этих дебилов на Марсе!» – успокоил он себя.

Тут позвонили в домофон. Иван удивился:

– Кому там надо?

Еду вчера уже принесли, а следующий визит завтра.

Умный дом показал на экране телевизора Тёму, долговязого вечно жующего парня, праправнука. Челка у него желтая, в нижней губе колечко, футболка с непонятными рисунками, рваные джинсы.

– Открой дверь, – бросил Иван умному дому.

Через минуту появился Тёма.

– Здоров, прадед, как жизнь? Все нормуль? Молоток! – Тёма потрепал деда по седым волосам, нервно прошелся по комнате.

– Нормальная у меня жизнь, – сказал Данилович. – А ты чего пожаловал? Может, покушаешь?

– Да не, спасибо, время – деньги. Слышь, прадед Иван, ты это, пенсию ж получил, скинь мне на счет пятерик или лучше семь, да, семь косых.

– Чего это? Сколь? – Иван то ли притворился глухим, то ли вправду не расслышал.

– Семь тысяч рублей, говорю.

– Тебе куда столь?

– Да я отдам. Понимаешь, у меня сложное положение, – Тёма сделался серьезным, он присел на диван рядом с дедом. – Меня в статусе опустили, гады продажные, долгами обложили и на дуэли повызывали. Мне теперь откупаться надо позарез.

– В каком статусе? – дед чуть наклонился к родственнику. – Какие дуэли?

– А! – праправнук махнул рукой. – Я ж тебе вроде объяснял: игра такая виртуальная, «Мушкетеры», все поголовно у нас в стране играют. Есть короли, есть гвардейцы, где-то в Сибири кардинал живет. А меня разжаловали, я там задание одно профукал.

Иван Данилович вздохнул. Бред какой-то. Ну да ладно, хоть не на выпивку. Ему-то самому деньги на что? Он даже гулять давно не ходит – надоело. Еду бесплатно привозят. Иногда вот президент выходит на связь: «Ну как вы, дорогой Иван Данилович? Не болеете? Ни в чем не нуждаетесь? Вы для нас самый ценный человек – *последний ветеран!*» Сам, небось, тоже кучу раз на операционном столе валялся – полвека у руля, а лицо – хоть бы морщинка!»

Дед понял, что мысли опять унесли его в сторону, ибо Тёма нетерпеливо смотрел и моргал, и теребил колечко в губе.

– Ну, сколь, говоришь, семь тысяч? Ладно, спишу.

Иван открыл старинный ноут, зашел в мобильный банк и ввел пароль, на всякий случай

прикрыв клавиатуру свободной рукой.

Когда Тёма ушел, довольный, по скайпу позвонили. Дед не стал подключать «три дэ приставку» умного дома для активизации реального пространственного образа звонящего.

– Здравствуйте, дорогой Иван Данилович, – на экране ноута показался носатый кремлевский доктор с забавным пушком на надлобной лысине. – Что-то мы сегодня не получили данные со сканера. Хотелось бы знать, в чем проблема. А то вдруг президент побеспокоится.

Да ладно! Не так уж часто он вспоминает Ивана Даниловича. Только перед 9 мая – за месяц, да после – один месяц. Ах да, еще с Новым годом поздравляет. Лично. В записи. «Я ведь ему как барахло в ларчике. Один раз в году ларчик открывают, разглядывают меня, на камеры показывают, здороваются, про войну спрашивают. И пока, прощай на год – ларчик захлопывается!»

– Да я руку утром не приложил, – оправдался Иван Данилович.

– А что так?

– Да надоело всё, жизнь надоела.

– У-у, – человек с пушком нахмурился. – Н-да, видимо, придется послать к вам психолога. А пока приложите-ка ручку.

– Не надо психолога, Олег, я пошутил, – дед опустил ладонь на сканер, поморщился от легкого укола иголкой. Капелька крови ушла на дело.

Воцарилась тишина. Если не считать полицейских сирен под окном – террорист, видимо, еще держал аптеку. Но пауза продлилась лишь несколько секунд.

Олег, скосив глаза, где-то прочитал данные, и его отчасти лысая с забавным пушком голова просветлела.

– Ну, кажется, все в норме. Так и доложим президенту: Последний Ветеран в порядке! – и на лице доктора появилась добродушная улыбочка, что вкупе с забавным пушком придало ему карикатурности.

Дед выключил телевизор.

«Надоели. Нейметя им. Все привязываются и привязываются. Президент, видите ли, будет доволен. Да плевал я на вашего президента!»

Иван Данилович сходил на кухню и все-таки пожевал. А именно, сварганил яичницу, обильно посолил и поперчил. Съел в один присест с кусочком хлеба – еще бы, крепкие белые зубы из наноматериала, целый боевой отряд: тридцать две штуки! Пожалуй, только они и радовали деда.

Вернувшись в комнату, Иван Данилович прилег и почти сразу уснул. Сончас он любил, ибо так легче отвлечься от скуки дня. Беспокоили только сны про войну. Не нравилось ему войну вспоминать. Хотя вспоминать больше, по сути, нечего.

И вот в этот послеобеденный час опять явились однополчане. На сей раз Кирюхин был жив-здоров. Точнее, стоял на ногах и разговаривал. А рядом с ним, сидя на земле, чистил ППШ рядовой Жора, рябой парнишка.

– Чой-то засиделся ты тут в тылу! – укорительно сказал Кирюхин, теребя маленький ус.

– Да как это в тылу? – обиделся Иван. – Я же с вами, на передовой! Мы ж вчера фрицев громили!

– Слушай, Ванюха, ну зачем отрицать очевидное? – Жора оторвал взгляд от ППШ и как-то странно уставился на Даниловича. – Лучше пошли с нами, если не хочешь, чтоб тебя назвали тыловой крысой!

В Иване взбурлило возмущение. Да как же так?! Да они что, не видят, не понимают, что ли?!

– Я же и так с вами!! Разве я отказываюсь! – воскликнул во сне дед.

– Нет, не с нами, – спокойно возразил Кирюхин, снова потерев ус. – Мы-то уж давно на передовой, и сейчас опять уходим в бой. А ты тут остаешься. Так что айда с нами!

И оба они внимательно посмотрели на Ивана Даниловича. Тот пришел в замешательство и проснулся.

– Мать их за ногу! Опять в могилу зовут, как месяц назад, – пробормотал дед.

«Давно пора», – застучало пульсом в голове.

Поднявшись с постели, он поплелся в туалет. Облегчившись, Иван Данилович вернулся в комнату и сел за стол. Ручка сама попросилась в руку. «Раньше надо было мемуары писать!» Дед взял листок бумаги и застыл. Через какое-то время он все же написал крупно и размашисто:

Я ходячий памятник! Когда же я сдохну?

«Ну ладно, допустим, – сказал он себе. – Терять уже нечего. Давно нечего. Разве что память. Но кому она нужна? Им? А чья это память? Их или моя? Это их извращенная память!.. Ладно, допустим. Только как это сделать? Порезать вены? Глупо. Застрелиться? Смешно! Вот сейчас бы пару-тройку фрицев или «Пантеру» на окоп!»

Дед встал из-за стола и поплелся на кухню. Машинально заглянул в холодильник. «Жаль, нет цианистого калия или хотя бы бледной поганки в сметане!»

За окном вновь взвыла сирена. Иван вернулся в комнату и сел на диван.

Как достойно уйти из жизни? Надо же, до чего сильно подобный вопрос может волновать человека! «Впрочем, какой я человек?! Так, киборг из кинофильма!» – в очередной раз подумал об одном и том же Иван Данилович.

Можно, конечно, выйти на улицу и пойти на реку и там утонуть. Но стоит только появиться из подъезда, как городские камеры автоматом сличат его фейс с базой. И тут же начнется слежка. Полицейские возьмут под контроль. Бесплезно.

Дед посмотрел на экран. Там опять передавали сводки из захваченной аптеки.

А что если? Почему бы и нет! Как ему раньше не взбрело в голову?

Дед откопал в серванте старый трофейный пистолет, вышел на балкон и полез на пожарную лестницу. Уж тут-то точно камер нет. Спокойно спустившись вниз (кости недавно подкрепили наноботами), Иван Данилович без проблем проник в аптеку через черный ход.

Еще мгновение, и вот уж дед стоит позади бандита.

– Эй, придурок! Отпусти их, возьми меня! Я ведь Последний Ветеран. Президент за меня дорого заплатит!

Тут «придурок» оборачивается, а в руке у него лимонка. Дед накидывается на бандита, крепко его обнимает, раздается оглушающий взрыв и...

Наваждение рассеялось. Данилович понял, что по-прежнему сидит у телеэкрана и по-прежнему идут новости. Только спецназ уже провел удачный штурм, и бандит схвачен без жертв.

Глубоко вздохнув, Иван хлопнул в ладоши.

– Выключи телевизор! – скомандовал он.

Экран потух, тишина окутала комнату.

«Все так и будет, – подумал дед. – Ничего не изменится! И мне суждено куковать тут до скончания веков. Ну и ладно!»

Вечером Иван Данилович занялся, наконец, делом. Он включил ноутбук и загрузил пасьянс. Не лягу спать, пока не сойдется!

В первый раз пасьянс не сошелся, во второй раз тоже, и в третий. Дед даже не понервничал. Чем дольше, тем лучше.

Пасьянс сошелся, когда за окном уже сгустились сумерки. Иван Данилович потер руки, сладко зевнул и пошел на кухню.

Приняв стакан молока, он стал готовиться ко сну.

«Опять они придут звать в бой, – между делом подумал дед. – Опять будут обзывать «тыловой крысой»! Ну что ж, плевать, мать их за ногу! Рано или поздно, а мы встретимся!»

И на лице его появилась улыбка.

Так подошел к концу очередной день жизни Последнего Ветерана.

2014 г.